

Глава IV. В погоне за призраком славы. (1915-1916)

Мечтатель сельский -

Я в столице

Стал первокласснейший поэт.

1. Встреча с "королем поэтов"

Есенин приехал в Петроград 9 марта 1915 года. Он жаждал встречи с королем поэтов Александром Блоком, мечтал о признании его стихов петроградской поэтической элитой, видел в своем воображении изданную книгу "Радуницу" и напечатанные во всех журналах стихотворения. Сергей верил, что поэтическая столица России должна пасть под его натиском, и интуитивно чувствовал, что только Блок может сыграть главную роль в его признании. По словам Л. Клейнборта, Есенину Блок был "близок дальним, запредельным, тем, что отвечало мистике древних устоев, от которых он шел, его деревенской хмари". Именно это понимание поэзии приводит юношу к Блоку, а не к модным в то время Бальмонту и Северянину.

В одной из своих автобиографий Есенин пишет, что "19 лет попал в Петербург проездом в Ревель к дяде". Получается, что в столицу попал случайно, и не хотел туда ехать, да вот неожиданно получилось. В 1923 году, уже будучи первым поэтом, не хотелось Есенину признаваться, что из Москвы его гнала жажда славы, что он постоянно бредил Петербургом, ожидая чуда. Анатолий Мариенгоф, прекрасно зная его способность фантазировать и выдумывать себе биографии, писал: "Говорил им, что еду бочки в Ригу качать. Жрать, мол, нечего. А в Петербург на денек, на два, пока партия моя грузчиков подберется. А какие там бочки – за мировой славой в Санкт-Петербург приехал, за бронзовым монументом..."

В другой биографии Есенин уточняет: "Восемнадцати лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий." Однако критик Лев Клейнборт пишет в своих воспоминаниях, что Есенин заехал сначала к нему, на его загородный дом для выяснения судьбы его тетрадки со стихами, и сначала в Петрограде посетил салон Мережковских.

Трудно определить, кто более прав, но только встреча с Блоком стала началом

подлинного восхождения Есенина по лестнице славы. По словам Есенина, сойдя на Николаевском вокзале с сундучком за спиной, он приложил все силы, чтобы найти Блока. Но поэта не оказалось дома, и Есенин оставил коротенькую записку:

"Александр Александрович.

Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4. С почтением С. Есенин".

А затем бросился искать Блока по всему городу. Только бы найти, время не упустить. Забежал в редакцию журнала "Огонек", подождал в приемной немного. Постоянно вскидывал голову, когда отворялась дверь в редакцию, ерзал. Затем нацарапал торопливо для передачи Блоку всего одну настойчиво звучащую фразу, в которой воплотились его невротические притязания. "Я - поэт, приехал из деревни, прошу меня принять". Затем бросился снова на Офицерскую, может Блок уже дома. Кое-как добрался. "Поднимаюсь по лестнице, - вспоминает Есенин, как обычно дополняя и чуть-чуть корректируя свои юношеские поступки и мысли, - а сердце стучит, и даже вспотел весь. Вот и дверь его квартиры. Стою и руки к звонку не могу поднять. Легко ли подумать.— а вдруг сам Александр Александрович двери откроет".

Открыла ему, правда, служанка, да еще заставила подождать за дверью. Затем впустила, ворча. Сергей находился как в тумане. "Не помню сейчас, - вспоминает Есенин, - как мы тогда с ним разговор начали как до стихов дошло. Памятно мне только, что я сижу, а пот с меня прямо градом, и я его платком вытираю".

Есенин и Сергей Городецкий.
1915 год.

Блок не только воспринял поэзию молодого крестьянского паренька. Он отобрал из тетрадочки Сергея лучшие стихотворения и написал два рекомендательных письма: поэту Сергею Городецкому и литератору М.П. Мурашёву. Есенин сразу же поспешил по указанным адресам. Мурашев встретил его тепло, стал расспрашивать про деревню, про учебу, а к концу обеда попросил его прочесть свои стихи. Оставил у себя ночевать. А наутро дал Есенину несколько записок в разные редакции и, прощаясь, предложил временно пожить у него, пока Сергей не подыщет комнату.

11 марта Есенин уже у поэта Сергея Городецкого. Стихи он принес завязанными в деревенский платок. "С первых же строк мне было ясно, - пишет в своих воспоминаниях Городецкий, - какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунька опять читал стихи... Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица". Есенин по приглашению С. Городецкого поселился у него и прожил некоторое время. Чтобы облегчить "Сергуньке" хождение по мытарствам, Городецкий дает ему рекомендательные письма к журналисту Либровичу и издателю Миролюбову с просьбами помочь новому юному поэту, принять его стихи и прилично оплатить. "Приласкайте молодой талант... В кармане у него рубль, а в душе - богатство."

2. Опьянение от успеха. Борьба за признание

К Есенину возвращается его уверенность в себе, внутреннее ощущение подлинного признания. Он начинает гордиться своим везением, его эгоцентризм придает ему бодрость и жизнерадостность, отсутствующие в период московской жизни. Теперь у Есенина уже нет сомнений - он действительно является помазанником божьим и хозяином своей судьбы. Сергей гордо и уверенно начинает ходить по редакциям журналов, уже почувствовав себе цену. В приемной одной из редакций сидел начинающий поэт Всеволод Рождественский. Вошел Есенин, в деревенском тулупчике, в тяжелых смазанных сапогах. Рождественский отметил, что его *"серые глаза окинули всех робко, но вместе с тем и не без некоторой дерзости"* (курсив мой - А.Л.).

"Вытащил тут же пачку листков, - вспоминает Рождественский, - исписанных мелким, прямым, на редкость отчетливым почерком. И та готовность, с которой он показывал свои стихи, сразу же располагала в его пользу. *Некоторая свойственная ему самоуверенность отнюдь не казалась навязчивой, а то, что он сам хвалил себя, выходило у него так естественно, что никто не мог бы заподозрить автора в излишнем самомнении"* (курс мой - А.Л.).

К редактору они не попали и когда спускались по лестнице, Есенин сказал:

- *Я еще своего добьюсь. Стихи у меня хорошие, Будут Есенина печатать! Слово даю!...*

С началом первой мировой войны среди русской поэтической элиты модна стала мистическая идеология символизма, связанная с народным, крестьянским восприятием

деревни и религии. Появление Есенина таким образом было воспринято как естественное событие. Новый народный вестник, в отличие от стилизованного под старую Русь поэта Николая Клюева, понравился столичной публике и своей внешностью херувима, и мелодичностью, лиризмом, тонкостью своих стихов. "Факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда», – отмечал Городецкий.

Есенин знакомится со многими литераторами, сразу переходя на ты. Постоянно говорит о своих стихах, о жизни в Москве, о своем детстве, крайне нуждаясь в высокой самооценке в форме восхищения и преданности окружающих. Сергей убеждается, что для него не существует ничего невозможного. Он всегда очарователен, особенно когда знакомится с новыми людьми. Независимо от их реальной важности для него, старается произвести хорошее впечатление. Есенин блистательно изображает чувства при помощи своей улыбки и синих глаз, в которых, по наблюдению критика Л. Клейнборга, "было больше блеска, чем тепла". Он льстит, но появляется у людей только тогда, когда они ему нужны; часто кажется скромным и внимательным. Когда Сергей успокоил бросившегося на него пса, критик заметил: " Он знал, видимо, секрет, как подойти к собаке. Более того, он знал и секрет, как расположить к себе человека".

Есенина везде приглашали, и юноша с головой окунулся в поэтический мир петербургской богемы, начиная последовательно знакомиться с ее действующими лицами. Есенин быстро понял, что слава не приходит сама по себе, что необходимо постоянно поддерживать образ "рязанского Леля", который стал популярен в среде поэтической элиты Петербурга, и который поможет ему пройти по тернистому пути всероссийского признания. Одежды "пряничного херувима", в которые облачился Есенин, при всей их искусственности, открывали ему двери многих литературных салонов.

28 марта 1915 года состоялся большой вечер поэзии в зале Армии и Флота. Выступали Блок, Игорь Северянин, Федор Соллогуб. Городецкий привел туда Есенина. Читал весь цвет поэтической элиты Петербурга. На вечере Сергей познакомился с поэтом Рюриком Ивневым, искусствоведом Владимиром Чернявским и Костей Ляндау. А когда Есенин начал читать стихи, то его чтение потрясло всех присутствующих. Сергею не давали отдохнуть, просили повторять, целовали его, чуть не плакали.

"Мы, пожалуй, преувеличивали его простодушие и недооценивали его пристальный ум". – пронизательно отметил Чернявский. С истинно деревенской хитростью Сергей создавал о себе славу "рязанского самородка....Он верил в свою

удачу, радовался победе и в толстых, и в тоненьких журналах, и тому, что голос его наконец-то слышат. "Он ходил как в лесу, – отмечал Чернявский, – озирался, улыбался, ни в чем еще не был уверен, но крепко верил в себя".

Глубинную сущность есенинского невротического "поиска славы" сразу понял Рюрик Ивнев. "Мне хотелось определить, понимает ли он, каким огромным талантом обладает. Вид он имел скромный, тихий. Стихи читал своеобразно. Приблизительно так, как читал их и позже, но без того пафоса, который стал ему свойствен в последующие годы. Казалось, что он и сам еще не оценил самого себя. Но это только казалось, пока вы не видели его глаз. Стоило вам встретиться взглядом с его глазами, как «тайна» его обнаруживалась, выдавая себя: в глазах его прыгали искорки. **Он был опьянен запахом славы и уже рвался вперед. Конечно, он знал себе цену. И скромность его была лишь тонкой оболочкой, под которой билось жадное, ненасытное желание победить всех своими стихами, покорить, смять".**

Литературная летопись Петербурга не отмечала более быстрого легкого вхождения в литературу. Всеобщее признание свершилось буквально в какие-нибудь несколько недель. Не только литературная молодежь, но даже такие «метры», как Вячеслав Иванов и Александр Блок, были очарованы и покорены есенинской музой. Однако не все поэты встретили Есенина восторженно. Известный поэт-символист Фёдор Сологуб со своим обычным, надменно-брюзгливым выражением на выбритом лице рассказывал в редакции журнала "Новая жизнь" о юном крестьянском поэте, приходившем к нему представляться.

—...Смазливый такой, голубоглазый смиренный... неодобрительно описывал Есенина Сологуб. — Потеет от почтительности, сидит на кончике стула — каждую минуту готов вскочить. Подлизывается напропалую:

— Ах, Федор Кузьмин! — Ох, Федор Кузьмич! — и все это чистейшей воды притворство! Льстит, а про себя думает, — ублажу старого хрена. — пристроит меня в печать. Ну, меня не проведешь, — я этого рязанского теленка сразу за ушко да на солнышко. Заставил его признаться и что стихов он моих не читал, и что успел до меня уже к Блоку и Мережковским подлизаться, и насчет лучины, при которой, якобы, грамоте обучался — тоже вранье. Кончил, оказывается, учительскую школу. Одним словом, прошупал хорошенько его фальшивую бархатную шкурку и обнаружил под шкуркой настоящую суть: **адское самомнение и желание прославиться во что бы то ни стало.** Обнаружил, распушил, отшлепал по заслугам — будет помнить старого

хрена!..

И тут же, не меняя брюзгливо-неодобрительного тона, Сологуб протянул редактору Н. Архипову тетрадку стихов Есенина.

— Вот. Очень недурные стишки. Искра есть. Рекомендую напечатать — украсят журнал. И аванс советую дать. Мальчишка все-таки прямо из деревни — в кармане, должно быть, пятиалтынный. А мальчишка стоящий, с волей, страстью, горячей кровью. Не чета нашим тютькам из "Аполлона" (журнал поэтов-символистов — А.Л.).

Не бросились ласкать и хвалить Сергея и в известном салоне Мережковских, где собиралась вся элита столичной поэзии. Хотя поначалу сама Зинаида Гиппиус, при всей ее гордости и привередливости, отнеслась к Есенину все же достаточно благожелательно, но заметила его хитрецу и необыкновенную жажду славы, сквозящие через детскую непосредственность и крестьянский облик. "У нас, впрочем, сразу создалось впечатление, что этот парень, хоть в Петербурге еще ничего не видал, но у себя, в деревне, уж видал всякие виды".

Зинаида
Гиппиус

"Народу было мало, — вспоминает Гиппиус, — когда он заявился. Вновь приходившим мы его тотчас рекомендовали; особенного стеснения в нем не замечалось. Держал себя со скромностью, стихи читал, когда его просили, — охотно, но не много, не навязчиво: три-четыре стихотворения. *Они были недурны, хотя еще с сильным клюевским налетом, и мы их в меру похвалили. Ему, как будто, эта мера показалась недостаточной. Затаенная мысль о своей "необыкновенности" уже имела, вероятно: эти, мол, пока не знают, ну да мы им покажем...* (курсив мой — А.Л.).

Понемногу Есенин оживляется. За столом теперь так тесно, что места не хватает. Кончилось тем, что "стихотворство" было забыто, и молодой рязанец, — уже не в столовой, а и дальней комнате. куда мы всем обществом перекочевали, — во весь голос принялся нам распевать "ихние" деревенские частушки.

И надо сказать — это было хорошо. Удивительно шли — и распевность, и подчас нелепые, а то и нелепо-охальные слова — к этому парню в "спинжаке", что стоял перед нами, в углу, под целой стеной книг в темных переплетах".

Однако неприязнь к Мережковским, зародившаяся при первой встрече, всю жизнь сопровождала Есенина. В очерке "Дама с лорнетом" Есенин вспоминает слова

Блока, который якобы сказал ему при первой встрече: "Не верь ты этой бабе. Её Горький считает умной. Но, по-моему, она низкопробная дура". После этих слов Блока Сергей стал более подозрительно относиться и к Мережковскому, и к Гиппиус.

– Что такое Гиппиус? – резюмирует Есенин. И сам отвечает.

– Бездарная завистливая поэтесса.

Не сложились отношения у Сергея с этой уникальной четой. Произошло простое уязвление гордости Есенина, которая в данном случае заменила уверенность в себе. Выпады Мережковского и Гиппиус повергли Сергея в уныние. Все вокруг восхищаются его талантом, носят на руках, обцеловывают, а эти чуть ли не издеваются над ним, презрительно обсуждая деревенский вид и крестьянские манеры. Самый эффективный способ – отомстить за полученное унижение; и эта мстительность является средством самооправдания... Она подразумевает веру в то, что путем мщения обидчику восстановится собственная гордость. Цель невротической гордости не сквитаться, а восторжествовать, сильнее дав сдачи. При помощи мести, задев сильнее, Сергей как бы переворачивает ситуацию. Он испытывает триумф, оставляя свою гордость в прежнем состоянии.

В письме к Ливкину в 1916 году Есенин, несколько утрируя ситуацию, пишет: "...в то время я голодал, как, может быть, никогда, мне приходилось питаться на 3—2 коп. Тогда, когда вдруг около меня поднялся шум, когда Мережковский, гиппиусы и философы открыли мне свое чистилище и начали трусить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи, уже употребленные? Я был горд в своем скитании, то, что мне предлагали, я отпихивал. Я имел право просто взять любого из них за горло и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их—и с деньгами, и со всем что в них есть,— и считал поганым прикоснуться до них".

Но то было год спустя, а сейчас, гордый от всеобщего к нему внимания, в письме к Николаю Клюеву от 24 апреля 1915 года Есенин с похвальбой сообщает своему будущему другу-врагу и наставнику о хвалебной статье Зинаиды Гиппиус под псевдонимом Роман Аренский. К славе и успеху Есенин идет коротким путем. Он использует всех журналистов и издателей, которые начинают бегать за модным "рязанским Лелем". Он посещает все салоны, знакомясь и с принимающими его восторженно поэтами и с теми, кто равнодушно относился к его любимому детищу - его стихам.

Есенину необходимо было утвердить свое вхождение в литературу. В конце апреля он ищет встречи с Блоком. Но умудренный жизненным опытом поэт, несколько грустно смотрит на купающегося в лучах славы "рязанского паренька". Блок прекрасно видит подводные камни богемной жизни и старается уберечь Есенина от ее влияния. Он пишет ему письмо, в котором чувствуется и переживание за судьбу Есенина, и некоторое морализаторство старшего по цеху поэтов:

"Сейчас очень большая во мне усталость и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видеться, ничего существенно нового друг другу не скажем. Вам желаю от души остаться живым и здоровым. Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные; только все-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит не короткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло".

3. Эротические изыски богемного Петербурга

Петербургская богема в первые годы войны повернулась к прошлому, стараясь найти в нем какие-то патриотические ассоциации с сегодняшним днем. Оно казалось им заманчивее окружающей действительности. И главное, не пугало грозными предвестиями неизбежных перемен. Это сказывалось не только в поэзии, среди представителей которой вращался Есенин, но и в других областях жизни. Ставились спектакли, до мелочей воспроизводившие античные и средневековые постановки, писались романы на исторические темы, устраивались выставки старинных портретов, фарфора, мебели и гравюр. В стиле прошлых веков были обставлены особняки и квартиры меценатствующей буржуазии, модных артистов, писателей, художников. Подражание прошлому сказывалось даже на внешнем виде: costume, причёске, придававших реальному облику людей XX века маскарадное обличье. Есенин так же подпал под влияние окружавшей его художественной среды.

Петербургская богема была сложным и противоречивым обществом. Поэтическая разногласица "серебряного века", необыкновенные живописные и театральные постановки, расцвет живописи, прикладного искусства, балета. Наряду с

художественными поисками новых форм и средств выражения, происходит не только духовное раскрепощение русского человека. Свобода начинает приобретать фантастические формы сексуальной утонченности и сексуальных излишеств.

Особенно молодого и красивого паренька одолевали женщины из литературной богемы, к которым Сергей относился с вежливой опаской и часто потешал ближайших товарищей своими впечатлениями и сомнениями о возможной близости с ними. С наивным юмором, немного негодуя, он рассказывал об учащающихся посягательствах на его любовь. Ему казалось, что в городе женщины непременно должны заразить его скверной болезнью («Они, пожалуй, тут все больные»). Их внешняя культурность не рассеивала этого предубеждения. У Есенина на всю жизнь осталось эта патологическая боязнь заразиться от женщин. Поэтому, при всем его нормальной мужской тяге к гетеросексуальным контактам, он никогда не имел дела с проститутками.

На первых порах ему пришлось со смущением и трудом избавляться от упорно садившейся к нему с ласками на колени маленькой поэтессы, говорящей всем о себе тоненьким голосом, что она живет в мансарде «с другом и белой мышкой». Другая, сочувствующая адамизму, разгуливала перед ним в обнаженном виде, и он не был уверен, как к этому отнестись; в Питере и такие штуки казались ему в порядке вещей. Третья, наконец, послужила причиной его ссоры с одним из приятелей, оказавшись особенно решительной. Он ворчал шутливо: «Я и не знал, что у вас в Питере эдак целуются. Так присосалась, точно всего губами хочет вобрать». Вся эта женская погоня за неискушенным и, конечно, особенно привлекательным для гурманок «пастушком» так ничем и не кончилась до первой его поездки в качестве модного поэта в Москву.

"Такова была среда, – вспоминает Чернявский, – в которой поневоле вращался Сергей и с которой он инстинктивно был не менее осторожен, чем доверчив. Говорили, что его неминуемо «развратят» («Подлинный цветок и столько бесов вокруг»,— заметил один дружеский голос)... С шутливым недоверием относясь к богемной эротике, он, помню, рассказывал, сидя вечером с товарищами в нашем милом «подвале», какова бывает любовь в деревне, лирически ее идеализируя".

Залуюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

Однако не только женщины атаковали "кудрявого" паренька. Быт Петербургской богемы был своеобразным, поэтому он и привлекал, и страшил одновременно. Гомосексуализм и лесбиянство окончательно вышли из подполья, по крайней мере, в литературе и искусстве. В начале XX века однополая любовь в кругах художественной элиты стала модной. «От оставшихся еще в городе друзей... я узнал, что произошли в наших и близких к нам кругах поистине, можно сказать, в связи с какой-то общей эмансипацией довольно удивительные перемены, – вспоминал Александр Бенуа. — Да и сами мои друзья показались мне изменившимися. Появился у них новый, какой-то более развязный цинизм, что-то даже вызывающее, хвастливое в нем».

В основном из гомосексуалистов состояла знаменитая группа "Мир искусства", возглавляемая Сергеем Дягилевым, который в 1899 г. основал журнал с таким названием, в течение нескольких лет изменивший взгляды русских людей на свое культурное наследие. Этот журнал Дягилев издавал совместно со своим двоюродным братом Дмитрием Философовым. Знаменитая Зинаида Гиппиус, поэт и драматург, жила "шведской семьей" с одним гетеросексуальным мужчиной (Мережковским) и гомосексуалистом (Д. Философовым). В своем интимном дневнике «Contes d'amour» Гиппиус признавалась, что ей нравилось ухаживание и тянуло к некоторым мужчинам, но одновременно они ее отталкивали.

«В моих мыслях, моих желаниях, в моем духе — я больше мужчина, в моем теле — я больше женщина. Но они так слиты, что я ничего не знаю». Телесная сексуальность ей практически недоступна. Она обожает целоваться, потому что в поцелуе мужчина и женщина равны, но половой акт вызывает у нее отвращение и кажется безличным. В идеале «полового акта не будет», «акт обращен назад, вниз, в род, в деторождение». Между этой троицей существовали с одной стороны дружеские, а, с другой - напряженные отношения. Есенин заметил это, когда посетил впервые салон Мережковских.

— Пришел я в салон Мережковских. Навстречу мне его жена, поэтесса Зинаида

Гиппиус. Я пришел одетым по-деревенски, в валенках. А эта дама берет меня под руку, подводит к Мережковскому: познакомьтесь, говорит, мой муж Дмитрий Сергеевич! Я кланяюсь, пожимаю руку.

Подводит меня Гиппиус к Философову: «Познакомьтесь, мой муж Дмитрий Владимирович!»

— Жила с обоими. Меня, деревенского, смутить хотела. Но я и в ус не дую! Подвела бы меня к третьему мужу, тоже не оторопел бы.

Все новые друзья-поэты Сергея, во всяком случае, многие из них, были приверженцы "древнегреческой" любви. Гомосексуалистом был тот же Городецкий, который так любезно принял Сергея и поселил у себя дома, имея определенные виды на симпатичного паренька. Поэт-символист Вячеслав Иванов, собиравший в своей знаменитой башне цвет поэтического Петербурга, несмотря на глубокую любовь к жене, писательнице Лидии Зиновьевой-Аннибал, напечатал исполненный мистической страсти цикл «Эрос», навеянный безответной любовью к молодому поэту Сергею Городецкому:

За тобой хожу и ворожу я,
От тебя таясь и убегая;
Неотвратно на тебя гляжу я, —
Опускаю взоры, настигая.

Рюрик Ивнев, Владимир Чернявский и Сергей
Есенин. 1915 год.

Новый друг Сергея, изнеженный Рюрик Ивнев, был любителем садомазохизма, а точнее, пиромазохизма, с его настойчивой темой быть опаленным или сожженным возлюбленным мужчиной. Но подлинным идолом и проповедником гомосексуализма стал Михаил Кузмин, — один из крупнейших поэтов XX века.

Произведения Михаила Кузмина печатались в лучших литературных журналах того времени. Его пьесы ставились в театрах профессионалами и любителями. В 1907 году он решился написать "Крылья", повесть о мужской гомосексуальной любви "отличавшуюся, - по словам Лоры Энгельштейн, - нарочитой вычурностью и

манерностью ". В отличие от Арцыбашева, который в своем не менее скандальном романе "Санин" защищает половое влечение как одно из проявлений естественного хода жизни, Кузьмин отвергает существование самого различия между естественным и неестественным. Даже Зинаида Гиппиус, у которой не было возражения против самой темы повести, неодобрительно отметила ту "тенденциозность", с которой она была воплощена в произведении, и "патологические заголения", которые ее отличали.

Наряду со "шведской" семьей Мережковских, появилась еще одна странная тройца, когда Михаил Кузьмин остался жить в семье Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал. Его гомосексуальные пристрастия не вызвали здесь резкого неприятия, так как Зиновьева-Аннибал была сторонницей лесбийской любви и её чувства нашли отражение в повести "33 уroda" и в сборнике рассказов "Трагический зверинец".

Таким образом, в среде поэтов, где Есенин нашел первых почитателей своего таланта и первых друзей, господствовали интересы, общие для всей тогдашней художественной молодежи — привитое с легкой руки Кузьмина элегическое любование прошлым, романтические порывы и наивная вера в игрушечность и сказочность, якобы свойственные окружающему миру, а так же поднятое до возвышенного действия гомосексуальные отношения. "Это отражалось не только на нашем чтении, - вспоминал Бабенчиков, - но и на наружности некоторых из нас, подражавших в своем костюме и причёске прославленным денди прошлого века. Подобный уайльдизм вполне уживался с модным тогда религиозно-философским увлечением, так же, как и все остальное, имевшим характер своеобразной и довольно жуткой игры и маскарада".

Однако Есенин был вынужден посещать эти богемные гомоэротические собрания. Уже в первые недели пребывания Есенина в Петрограде Ивнев, живший при библиотеке на Симеоновской улице, устроил у себя безалаберно-богемный вечер. Молодые поэты разных школ и школок толклись, ревниво споря, друг подле друга. Есенину отведено было почетное место, он был «гвоздем» вечеринки. Сергей пришел в голубой косоворотке, был белокур и чрезвычайно привлекателен. На вечер явились Кузьмин, Георгий Иванов, Георгий Адамович. Осип Мандельштам и другие, по словам Чернявского, "маленькие снобы, те иронические и зеленолицые молодые поэты, которые объединялись под знаком равнодушия к женщине — типичнейшая для того «александрийского времени» фаланга. Нередко они бывали остроумны и всегда сплетничали и хихикали". Этих юношей называли нарицательно «юрочками», по

имени поэта Иосифа Юркунаса, молодого любовника Михаила Кузмина. Среди них были и утонченные, очень напудренные эстеты, и своего рода мистики с истерией в стихах и развинченном теле, но некоторые были и порозовее, только что приехавшие с фронта.

Такой состав присутствующих был неорганизованным, случайным, но удивить никого не мог: это было обычное в младших поэтических кругах, даже традиционное «бытовое явление». Для некоторых членов кружка однополая любовь была не органической потребностью, а всего лишь модным интеллектуальным увлечением, игрой, на которые падка художественная богема. Ведь все юноши, в которых влюблялся Кузмин (Павел Маслов, Всеволод Князев, Сергей Судейкин, Лев Раков и др.), были бисексуальными и рано или поздно начинали романы с женщинами, заставляя Кузмина мучиться и ревновать.

По словам Чернявского, никому из «юрочек» и маленьких денди не пришлось по вкусу Есенин: ни его стихи, ни его наружность. То, что их органически от него отталкивало, объяснялось и петербургским снобизмом, и зародившейся в них несомненной завистью к тому, что было у него, а им не хватало: подлинности, здоровья, поэтической оригинальности. Некоторые акмеисты закрепили за Есениным ярлык «кустарного петушка», сусального поэта в пейзажном стиле. Однако, Есенин, внутренне напрягаясь, все же вежливо принимал их скрытую язвительность. Щебечущий и ласковый Рюрик Ивнев, с восторгом относившийся к Сергею, смягчал иногда прорывающуюся неловкость.

В маленькой комнате, куда все собрались после чтения стихов и холостого беспорядочного чая, было тесно — кто сидел на подоконнике, кто на столе, кто на полу. На полу у стенки присел и Есенин, которого немедленно попросили петь частушки, напоминая, что у него есть, как он сам признался, и «похабные». Погасили для этой цели электричество. По обыкновению, Сергей согласился очень охотно, с легкой ухмылочкой. В углах шушукались и посмеивались: не то над Есениным, не то на свои интимные темы. Начав уверенно, Сергей скоро стал петь с перерывами, нескладно и невесело, ему, видимо, было не по себе. Вдруг кто-то громко произнес непристойно-специфическую фразу, пение оборвалось на полуслове. Зажгли свет, и некоторые гости, в том числе и Есенин, стали расходиться. Частушки очень понравились Кузмину, который заявил: «Стихи были лимонадцем, а частушки водкой».

Вся петербургская гомосексуальная богема собиралась в кабачке "Бродячая

собака", который известен был своей обольстительным, полным неоспоримой, убогой прелестью уютом. Здесь было всегда шумно, но не всегда весело, кроме уже перечисленных лиц, встречалось великое множество самых разнообразных людей, начиная с великосветских снобов и кончая маститыми литераторами и актерами. Кажется, только один Блок не жаловал это артистическое логовище, не вынося царившего в нем богемного духа. "Зато «Собаку», – пишет Бабенчиков, – почти ежедневно посещали поэты-царскоселы во главе с Гумилевым и Ахматовой, «Жоржики», как называли тогда двух неразлучных аяксов, сюсюкающих Георгия Иванова и Георгия Адамовича, и целая свора представителей «обойной» поэзии, получившей такую злую кличку после того, когда сборник стихов этой группы вышел напечатанным на обойной бумаге. В «Собаке» играли, пели, сочиняли шуточные экспромты, танцевали, рисовали шаржи друг на друга самые знаменитые артисты и художники".

Здесь, в «Бродячей собаке», можно было встретить неизменно сидящего за одним и тем же столиком саженого Маяковского, жеманного Северянина, похожего на фарфоровую статуэтку Судейкина, Мейерхольда, Карсавину. Здесь играл совсем юный Прокофьев, и, лениво перебирая клавиши, напевал вполголоса свои песенки жеманно улыбающийся Михаил Кузмин.

Он выбегал на эстраду маленькими, быстрыми шажками словно удивительное, ирреальное, нарисованное существо. "Это мужчина небольшого роста, – отмечает А. Шайкевич, – тоненький, хрупкий, в современном пиджаке, но с лицом не то фавна, не то молодого сатира, какими их изображают помпейские фрески. Черные, словно лаком покрытые, жидкие волосы зачесаны на боках вперед, к вискам, а узкая, будто тушью нарисованная, бородка вызывающе подчеркивает неестественно румяные щеки. Крупные, выпуклые, желающие быть наивными, но многое, многое перевидавшие глаза сияют длинными, пушистыми, словно женскими, ресницами". Кузмин улыбается, раскланивается и, словно восковая фигура, садится за рояль. У него длинные, бледные, острые пальцы. Он начинает играть и петь, и приторно сладкая, порочная истома нисходит на слушателей. В шутке слышится тоска, в смехе — слёзы. Вместе с ним постоянно вертелись и его молодые любовники, и другие мелкие стихотворцы.

Поголовное увлечение однополой любовью среди поэтической богемы не могло не отразиться на Есенине, тем более, что его эмоциональные переживания и страхи

быть отвергнутым при общении с другими людьми, толкали его на путь поиска мужской дружбы в среде тех, кто помогал ему стать известным поэтом. Женственная натура Есенина, шизоидная чувствительность, девическая внешность все это привлекало к нему гомоэротически настроенных поэтов, его друзей и почитателей его таланта. С другой стороны, несколько осторожное отношение к женщинам, связанное с боязнью половых контактов, рождало в Сергее определенную бисексуальность чувств. Еще в письме к Бальзамовой, юный Есенин писал: " Я — один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой; *будь это мужчина или женщина, я все равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями*".

Исследователи мало обращали внимание на то, что сексуальная жизнь Есенина в довольно значительные периоды жизни оставалась как бы в вакууме. Иными словами, мы не можем найти соответствующий сексуальный объект, на который был бы направлен интерес Есенина. Его сексуальность была сильно заторможена в детстве и в юности. Юношеское негодование против сексуальных контактов, можно сказать упорная девственность, сменилась первыми супружескими отношениями с Анной Изрядновой, которая была на четыре года старше его. Гетеросексуально ориентированный человек, с постоянными потребностями в разрядке, либо взял собой жену, либо нашел ей замену при длительном отсутствии. Но первые дни жизни Сергея в Петрограде показывают, что сексуальное желание его как бы погасло. Приставания поэтесс и женщин из богемной среды вызывают в Сергее некоторое удивление и неприязнь. Вспомним, как он жаловался Бальзамовой на заигрывания девушек во время его работы в сытинской типографии.

Кажется, что всю энергию "либидо" Есенин направил на приобретение славы и признания. Скорее всего, Есенин бессознательно чувствовал, что в отношении с женщинами его гордость может быть уязвлена. Этот страх угнетает в Сергее сексуальное влечение к ним и заставляет его избегать гетеросексуальных контактов, что, однако, не означает поворот к гомосексуальности. У Есенина вполне мужественная эротическая склонность, а при отсутствии женщины сексуальное напряжение можно снять другим способом.

Лев Клейнборг рассказывает, что однажды Есенин при очередной встрече с ним возбужденно сказал :

– А Городецкому я в морду дал...да..

Я раскрыл глаза от удивления. – вспоминает Клейнборг. – И, лишь взглянув на него, понял, что им руководило...Я считал, что его личная близость с тем же Городецким была ему на пользу. Но он это так принял...

– Нет, с чем подойдут, с тем и отойдут.

И затем, уже ломаясь:

– Ну их, нешто сами себе не можем сделать удовольствие?

Сексуальность невротической личности, какой был Есенин, становится на службу его невротическим потребностям. Она приобретает особую значимость, потому что вырастает из несексуальных источников. "По той же причине, - отмечает Карен Хорни, - сексуальные функции могут легко нарушаться. Здесь страхи, здесь множество запретов, сложные проблемы гомосексуальности и перверзии". Все эти факторы приводят к тому, что невротик вступает в сексуальные отношения не потому, что хочет, а потому, что должен угождать своему партнеру; потому что ему нужен знак того, что его хотят и любят, наконец, потому что он должен устранить некоторую тревогу. Сексуальная энергия Сергея трансформируется в потребность нежности, дружбы и понимания со стороны окружающих его друзей. Мужчина становится для Есенина, как для древнего грека, более высшим существом, чем женщина. Думаю, что по этой причине в нем начинают проявляться элементы бисексуальности, пока неявно выраженной, но начинающей играть в его жизни значительную роль.

Сергей знакомится с молодым поэтом из кружка Михаила Кузмина Леонидом Каннегисером, дружба с которым приобретает некоторый оттенок нежности. Каннегисер, очевидно, стал одним из его первых петербургских знакомых Есенина, наряду с Чернявским, Ивневым и Ляндау.

4. Пробуждение чувственности

9 марта вышел царский указ о призыве на воинскую службу и в конце апреля Есенин отправился в Рязань на сборы в армию. По пути заехал в Москву навестить жену и сына. Как они там, без своего кормильца? Но это был всего лишь попутный интерес к семье, если можно назвать семьей эти отношения. Анна сразу заметила, что Сергей очень изменился.

"В мае этого же года приехал в Москву, уже другой. Был все такой же любящий, внимательный, но не тот, что уехал". Есенин недолго побыл в Москве, затем уехал в

Рязань. От призыва удалось отвертеться по зрению. Хитрый Есенин, видимо, симулировал какую-то болезнь, поскольку зрение у него было в порядке. Освободившись от армии, Сергей уезжает в деревню, взяв с собой своего нового друга - нежного, черноголового Леонида Каннегисера. "Баловень судьбы, - писал о нем Марк Алданов, - получивший от нее блестящие дарования, красивую наружность, благородный характер". Привольная жизнь понравилась друзьям. О своем времяпрепровождении Сергей сообщал Чернявскому: «Все время ходили по лугам, на буграх костры жгли и тальянку слушали. Водил я его и на улицу. Девки ему очень по душе. Полюбилось так, что еще хотел приехать. Мне он понравился еще больше, чем в Питере».

Одиноким и переживающим первый успех Есенин постоянно тянулся к людям, в которых хотел найти искренность и хорошее отношение к себе. Нежность и любовь начинает испытывать он к своему новому другу, получая такую же взаимную любовь.

11 сентября 1915 года Каннегисер пишет Есенину:

«Очень жду тебя в Петербурге. Видеть тебя в печати — мне мало... Твой Леня».

Марина Цветаева, известная не только как прекрасная и умная поэтесса, но и как страстная жрица лесбийской любви, опытным взглядом отметила удивительную взаимную привязанность Есенина и Каннегисера. В своем эссе "Нездешний вечер", посвященном описанию собранию поэтов в начале января 1916 года, она отмечает: «Леня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлось — через все и вся — поэты.

Леня ездил к Есенину в деревню. Есенин в Петербурге от Лени не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... (Мысленно и медленно обхожу ее.) Ленина черная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча, Есенинские васильки, Ленины карие миндалины».

Шизоидная натура Есенина таила в себе определенные бисексуальные наклонности, которые явно не проявлялись, и жажда женской любви, страстных поцелуев, крепких объятий продолжает преследовать Сергея в окружении деревенской жизни. Да и друг его также заглядывается на девок. Желание обладать женщиной волнует Сергея. Эти его неявно выраженные чувства находят свое отражение в повести "Яр", которую Есенин написал за три недели, а, в особенности, в рассказе «У Белой

воды».

Сергей чуть ли не каждый день уходил в любимый оwin и писал, не обращая внимания на деревенские дела. Но психологически он проникался сущностью мужицкого житья, его заботами, его верой и понятиями о добре и зле. Также верно он почувствовал психологию женщины, лишенной сексуальной жизни, которые с удивительной силой показаны в рассказе " У белой воды". С одной стороны героиня рассказа, у которой ослаб и тяжело заболел муж, по-прежнему влюблена в него и старается быть верной, несмотря на соблазны и предложения от других мужиков. А с другой стороны, сексуальная неудовлетворенность так сильна, что у героини мутиться разум, и она входит в сильнейший конфликт сама с собой.

Она "чувствовала, – пишет Есенин, – что кровь в ней с каждым днем начинает закипать все больше и больше. Губы сделались красными, как калина, груди налились, и когда она, осторожно лаская себя, проводила по ним рукой, она чувствовала, что голова ее кружится, ноги трясутся, а щёки так и горят...Перебирая прошлое, Палага так сливалась с Корнеем мысленно, что даже чувствовала его горячее дыхание, теплую влагу губ, и тело ее начинало ныть еще сильнее, а то, что было возможно, казалось ей преступлением".

Сексуальная неудовлетворенность самого Сергея подсознательно вылилась в этом рассказе в образе молодой, жаждущей любви женщины, чья чувственность постоянно раздражается присутствием молодого парня, нанятого на починку рыбацких лодок Корнея, её немощного мужа. В душе женщины происходит постоянная борьба между долгом и страстью и, наконец, Палага не выдерживает. "Однажды ночью, когда Корней бредил своим баркасом, она осторожно слезла с лавки, на которой лежала, и поползла к Юшке в угол на пол. За окном свистел ветер, рубашка на ее спине прыгала от страха. Юшка спал; грудь его то подымалась, то опускалась, а от пушистого и молодого, еще ребяческого лица пахло, словно распутившейся мятой. Подбравшись к его постели, она потянула с него одеяло, Юшка завозился и повернулся на другой бок.

В висках у нее застучало. Она увидела в темноте его обнажившиеся плечи. Осторожно взобралась она на постель. Юшка проснулся. В первый момент на лице его отразилось удивление, но он понял и, вскочив, обвился вокруг нее, как вьюн.

Палага ничего уже не сознавала, тряслась как в лихорадке.

Когда она лежала снова на лавке, ей казалось, что все, что было несколько минут назад, случилось уже давно, что времени этому уже много, и ее охватила жалость, ей

показалось, что она потеряла что-то. Затуманенная память заставила ее встать, она зажгла лампу и начала шарить под столом, на печи и под печью, но везде было пусто.

«Это в душе у меня пусто»,— подумала она как-то сразу и, похолодев, опустилась с лампой на пол.

До рассвета она сидела у окна и бессмысленно глядела, как по воде, уже обмерзшей, стелился снег. Но как только она начинала приходить в себя, сердце ее занывало, она вспоминала, что жизнь ее с Корнеем оборвалась, что на радости их теперь лег узел, и, глядя на сонного Юшку, ей хотелось впиться ногтями в его горло и задушить".

Удивителен этот рассказ для двадцатилетнего Есенина, в котором так психологически верно описаны сексуальные переживания молодой женщины. Однако, учитывая некоторую женственность природы поэта, можно увидеть в этом рассказе подлинные эротические переживания самого юноши. Есенин пишет так же много стихов, о чем сообщает в письме к Чернявскому, и по-прежнему ждет поощрения от Мережковских, "хочется знать, — пишет он, — на какой стороне Философов и Гиппиус. Ты узнай, Володя. Меня беспокоит то, что отослал им стихи, а ответа нет".

В конце сентября, получив письмо от Клюева, в котором тот извещал, что будет в Петрограде до 5 октября, Есенин заторопился. Ему хотелось повидаться с этим уже известным "крестьянским" поэтом. Возвращался Есенин через Москву, навестив жену и сына. «Осенью опять заехал, — с грустью вспоминала Анна Изряднова. — «Еду в Петроград». Звал с собой... Тут же говорил: «Я скоро вернусь, не буду жить там долго»

Это была обычная отговорка, потому что ничто и никто не занимал его мысли, кроме его поэзии и его успеха. Но в Москве Сергея ожидало не только общение с верной, но неинтересной женой. Есенин познакомился там с поэтессой Любовью Столицей. Все жгучие свои сексуальные желания, которые юноша выразил в рассказе "У белой воды", наконец-то вырвались наружу и нашли удовлетворение в любовной связи со свободной и оригинальной женщиной.

Любовь Столица, Любовь Столица,

О ком я думал, о ком гадал.

Она как демон, она как львица, -

Но лик невинен и зорьно ал.

По воспоминаниям Льва Клейнборта, в Москве была какая-то поэтесса, которая писала стихи особенно чувственные. Казалось, это были песни язычницы, блудницы. Но достаточно было вчитаться в них, чтобы почувствовать, что это была лишь видимость. На самом деле из всех строк глядела грусть одинокого существа, та, которая бывает лишь у очень несчастных женщин. "Заглянув в стихи, Есенин усмехнулся. — вспоминает Лев Клейнборт.

— Чему вы? — спросил я.

— Знаю я эту... блудницу... Ходили к ней...

— Ходили? — переспросил я:

— Да... Не один. Ходили мы к ней втроем... вчетвером...

— Втроем... вчетвером? — с удивлением повторил я. — Почему же не один?

— Никак невозможно, — озорной огонь заблестел в его глазах. — Вот —не угодно ли? Он прочел скабрёзных четыре стиха.

— И это её! — сказал он. — Кто её «меда» не пробовал!

Жена моя, конечно, не слышала этого разговора. Но вечером этого же дня она почему-то сказала мне о тихом, сельском Есенине:

— Знаешь, я представляю себе его в деревне... озорничает, безбоязненно обнимает девушек...

После того мне бросились в глаза очертания его рта. Они совсем не гармонировали с общим обликом его, таким тихим и ясным. Правда, уже глаза его были лукавы, но в то же время все же наивны. Губы же были чувственны; и за этой чувственностью пряталось что-то, чего недоговаривал общий облик.

— Теперь, — не отвечая мне, собственно, на вопрос, он вдруг сказал, — я баб люблю лучше... всякой скотины. Иной раз совсем без ума станешь. И затем, немного погодя:

— Но глупей женского сердца ничего нет".

Наверно повзрослевший Сергей имел ввиду и Машу Бальзамову, и Анну Сардановскую, и жену свою, и других девушек и женщин, которые вешались на шею обаятельного, но внутренне равнодушного к ним парня. Есенин стал по-другому смотреть на женщин. Секс для него стал просто средством удовлетворения его ущемленной гордости, или просто попутным развлечением. "В это время, — пишет Клейнборт, — направляясь куда-то, прошла бывшая наша прислуга; он ее не раз видел у нас.

– Как зовут ее? – спросил он.

– Маша.

– Эта кой-кому сокрушит мозги! – сказал он. И вдруг точно весь стал озорной, Он уже не пропускал женщины, чтобы не сказать о ней чего-либо, а то и самое задеть. Вот няня сидит у ворот с детьми.

— Присматривай, девушка, присматривай! — говорит он ей. И затем уже мне:

– Я не прочь, коль просватаете.

Вот мещаночка... гладит белье в саду, брызгая на него изо рта водой. Заметив издали пятно, он делает сердитое лицо:

– Эх ты, кура. Посуди сама... И затем мне с видом знатока:

– Такой нужен молодец, чтоб кровь заходила...

Он уже был женат на работнице той типографии, где работал, имел ребенка. Но ни одним словом не вспоминал ни о жене, ни о ребенке. Даже лицо его сделалось совсем шалым".

5. Клюев. Мужская дружба или мужская любовь?

Пока Есенин отдыхал и работал в Константиново, в Петрограде в различных журналах печатаются его стихи. А в мае 1915 года появляется сообщение о подготовке к печати первой книги Есенина "Радуница". В отсутствии молодого поэта слава его увеличивается не по дням, а по часам. 4 июля Сергей Городецкий пишет Есенину. "Был я в Москве. Молва о тебе идет всюду, все тебе рады..."

Как все быстро изменилось в судьбе Есенина за то короткое время, когда он, "обливаясь потом", читал свои стихи суровому Блоку. Теперь, через несколько месяцев, известные издатели предлагают ему свои услуги, редакторы столичных журналов охотно печатают его произведения. С каждой новой публикацией усиливается интерес к творчеству молодого поэта. Но вот приезжает в Петроград Клюев и пишет Есенину письмо, полное экзальтированных дружеских чувств: «Я смертельно желаю повидаться с тобой — дорогим и любимым, и если ты — ради сего — имеешь возможность приехать, то приезжай немедленно». В конце сентября Есенин приезжает в Петроград, где знакомится с Клюевым, который тут же "впился в него". — ревниво отмечает Городецкий. — Другого слова я не нахожу для начала их дружбы".

Всю осень 1915 года Есенин и Клюев представляли собой неразлучную пару.

Есенин и Клюев. 1916 год.

Клюев был среднего роста, плечистый, с густо напомаженной головой, сладкой, витиеватой речью и елейным обхождением, он казался насквозь пропахнувшим лампадным маслом. Одевался Клюев в темного цвета поддевку и носил поскрипывавшие на ходу сапоги бутылками. Хотя в обществе Клюев держался важно и даже степенно, что-то хищное время от времени проглядывало в нем. Клюев всячески пытался скрыть эту сторону своей натуры, то улыбочкой, то ласковым взглядом, замечая следы своего истинного отношения к людям. На Есенина он произвел неотразимое впечатление, и вскоре влияние его на молодого поэта приобрело характер власти. Особенно впечатлила Есенина поэтическая настроенность и стихотворные образы Клюева, близкие его собственным христианским настроениям в юные годы.

Близость к Есенину льстила Клюеву, так как юный поэт к этому времени стал одной из заметных фигур в литературном мире. Юношу баловали, приглашали нарасхват в самые модные великосветские салоны, и бывать с ним повсюду вместе, — значило для Клюева оказаться на виду. Есенин стал частым гостем и в богатых буржуазных домах, где экспансивные сынки и дочки стремились показать его родителям и гостям. "Толстые дамы с «привычкой к "Лориган" (французские духи — А.Л.) лорнировали его в умилении, — писал Чернявский, — и солидные папаши, ни бельмеса не смыслящие в стихах, куря сигары, поощрительно хлопали ушами".

Есенин и Клюев все время вместе: посещают Блока, художников, писателей. Такая привязанность Клюева к Сергею объяснялась не только общими взглядами на поэзию. Это была не только любовь поэта к поэту. Клюев, как и Кузмин с его окружением, как и многие молодые поэты из «Бродячей Собаки» и «Привала Комедиантов», был приверженец гомосексуальной любви. Клюев имел многочисленные любовные связи с образованными крестьянами, и неудивительно, что обаятельный Есенин сразу же стал объектом его гомоэротических притязаний. «Видимо, Клюев очень любит Есенина, — записал в своем "Дневнике" переводчик и коллекционер Ф.Ф. Фидлер, у которого два поэта как-то побывали в гостях, — склонив его голову к себе на плечо, он ласково поглаживал его по волосам».

Перед отъездом на службу в санитарный батальон, он подарил своему старшему другу свой портрет с надписью: "Дорогой мой Коля! На долгие годы унесу любовь твою. Я знаю, что этот лик заставит меня плакать (как плачут на цветы) через много лет. Но эта тоска будет не о минувшей юности, а по любви твоей, которая будет мне как старый друг.

Твой Сережа. 1916 г. 30 марта. пт."

Трудно сказать, перешли ли отношения Есенина и Клюева определенную грань, отличающую мужскую дружбу от сексуальной привязанности. Слова Гордона Маквея о том, что поэт "поддался влиянию своего окружения и стал скрытым бисексуалом" верны лишь частично. Вряд ли богемное окружение повлияло на психосексуальную сферу Есенина. Его чувствительность и духовность облика, а также сильное чувство лишенности материнской ласки заставляли его постоянно стремиться к людям, чтобы получить хоть немного настоящего дружеского тепла. Однако для такого типа мужчины отсутствие агрессии, по слова А. Лоуэна "вкуче с отчаянной нуждой в контакте на межличностном уровне, делают его легкой добычей для активного, агрессивного гомосексуалиста". Подсознательная неприязнь к гомосексуальным контактам совмещается в психике Сергея с жаждой нежности и душевного понимания. Бисексуальность Есенина определялась именно этим свойством, так как сексуальное влечение в нем переживалось смутно, нечетко, и не было направленно конкретно на определенный пол. Полную сексуальную разрядку он получал от женщин, как молодой красивый юноша с нормальными мужскими инстинктами. И в тоже время объятия, ласки и поцелуи, которыми он обменивался с Леней Каннегисером, его первым "другом", больше говорили о духовном влечении, чем о физическом. В эссе о гомосексуализме, напечатанном в 1909 году в престижном журнале "Весы", и в своей книге "Люди лунного света", известный философ Розанов развивает мысль, что оральный и анальный секс с людьми того же пола, практикуется только гетеросексуалами, лишенными привычных обстоятельств. Цитируя Платона как своего высшего авторитета, Розанов утверждает, что настоящие гомосексуалисты и лесбиянки ограничиваются в сексе поцелуями и физической близостью тела. Розанов, конечно, идеализировал гомоэротизм, но именно такие отношения, и никакие другие психологически готов был принять Есенин.

Как вспоминает Чернявский, осенью 1915 года Есенин откровенно поделился в дружеском разговоре с ним новым, обеспокоившим его вопросом, над которым раньше не задумывался. Речь шла о том, что Сергей называл «мужеложеством», удивляясь, что так много этого вокруг, научившись разбираться в столичных городских типах и порочных двойственных взглядах. Сама мысль о сексуальном контакте с мужчиной претила ему.

Это подтверждает случай, произошедший с Есениным в "Бродячей собаке". Однажды к нему прицепился, красногубый, косноязычный мальчик, стриженный в кружок, почти одного возраста с Сергеем. Его называли Вурдалак и он усердно посещал пресловутого князя Андроникова, имевшего, как говорят, две смежные спальни — одну с кроватями, другую с аналоями — и умильно объяснявшего своим гостям: «Здесь мои мальчики грешат, а здесь они каются».

"В один прекрасный весенний вечер, - вспоминает Садовский, - ко мне явились Вурдалак и Есенин. Оба они отправлялись в подвальный кабачок и по дороге зашли ко мне попросить галстук для Есенина. Я выбрал из своего гардероба, как сейчас помню, большой темно-гранатовый галстук из Ниццы и сам повязал его юному поэту. Сообществу его с Вурдалаком я не придавал никакого особенного значения.

Обычно в кабачке засиживались до рассвета. Поэтому я был очень удивлен, когда часу в двенадцатом ночи раздался резкий звонок и не вошел, а вбежал ко мне Сергей Есенин. На вопрос, что с ним, он ничего не ответил и вдруг повалился на диван в сильнейшей истерике. Он кричал и катался по полу, колотил кулаками себя в грудь, рвал на себе волосы и плакал. Кое-как, с помощью прислуги, раздел я Есенина и натер ему виски и грудь одеколоном. С трудом он пришел в себя.

Принесли самовар, и Есенин постепенно успокоился. Я начал его осторожно расспрашивать и уже с первых слов догадался, в чем было дело. Оказалось, что Вурдалак в кабачке объяснился Есенину в «любви» и, вероятно, вообразив себя с одним из андрониковских «мальчиков», дополнил свое «признание» соответственными жестами".

То же самое произошло и в отношениях Есенина с Клюевым. Сергей сразу же признал его как учителя и в жизни, и в поэзии, но оказался между двух огней. Рвать с Клюевым, стихи которого он ценил и без которого не мыслил своего дальнейшего пути к завоеванию читательских умов и сердец, ему, конечно же, не хотелось. Но и потакать Клюеву в его сексуальных притязаниях не мог. Тот же Чернявский рассказывает о том, что Клюев «совсем подчинил нашего Сергуньку», «поясок ему завязывает, волосы гладит, следит глазами». Есенин жаловался Чернявскому, что Клюев ревновал его к женщине, с которой у него был его первый городской роман: «Как только я за шапку, он — на пол, посреди номера сидит и воет во весь голос по-бабьи: не ходи, не смей к ней ходить!» Приставания «старшего брата», видимо, так надоедали Сергею, что иногда он жаловался Городецкому: «Я его пырну ножом когда-нибудь! Ей-Богу, пырну!»

Трудно сказать, как проходили отношения Клюева и Есенина. Болезненные притязания собрата по поэзии иногда отталкивали его, а иногда, может быть, и не были противны. Женщины все-таки больше привлекали Есенина для получения разрядки. 22 октября он писал своей первой женщине, научившей его премудростям любви:

"Дорогая Любовь Никитична! Простите за все нежно канутое. Передо мной образ Ваш затенило то, что вышло для меня смешно и грустно.

Очень радуюсь встрече с Вами: суть та, что *я приобщен Вами до тайн* (курсив мой – А.Л.)

Сейчас, с приезда, живу у Городецкого и одолеваем ухаживаньем Клюева....

До сих пор не выветрился запах целующей губы вишневки и теплый с отливом слив взгляд Ваш...Жду так же, как и ждал Вас до моего рождения".

Современница и участница бесед на Черной речке, дочь профессора Ясинского, отмечала, что самообладание и самостоятельность чувствовалась во взаимоотношениях Сергея с Николаем Клюевым. "Многим приходилось читать о том, - пишет Ясинская, - что Клюев и Есенин в Петрограде очень дружили, а потом Есенин охладел к старшему другу... На самом же деле их взаимоотношения не были основаны на дружеском расположении, а были навязаны, заданы, как актеру дается роль, да и то не всегда по душе.

У Клюева было какое-то снисходительное, покровительственное и вместо с тем заискивающее отношение к Есенину. Он часто публично демонстрировал свою якобы влюбленность в молодого поэта, например, садился рядом с ним, когда хвалили стихи Есенина, начинал гладить его по спине, приговаривая: «Сокол ты мой ясный, голубень-голубарь» и тому подобное. Однажды моя подруга, не выдержав комизма этой сценки, задала Есенину очень непосредственный вопрос.

– Как вам приходится этот дядя? Он — родственник или земляк ?

Есенин сразу ничего не ответил, сделал «скучное лицо», затем, улучив момент, когда внимание Клюева было отвлечено, почти одними губами, насмешливо, прошептал:

– Вроде «дядьки»... приставлен ко мне".

Клюев и Есенин начинают свою совместную эпопею публичных выступлений и активного продвижения на путях к признанию. На вечере в Тенишевском училище Есенин вышел на эстраду наряженный в шелковую голубую рубашку, плисовые шаровары и остроносые сапожки из цветной кожи на каблучках. В руках у Сергея была

балалайка, на которой он, читая стихи, довольно неплохо и негромко аккомпанировал. Балалайка была и у Клюева. Некоторые критики назвали вечер в Тенишевском училище сусальным и лживым "литературным балаганом", где "дудари" и "певуны" играют недостойную их таланта роль – потешников, скоморохов, забавляющих скучающую петроградскую публику, ударившуюся в сладкое народолюбие".

После того, как Городецкий уехал на фронт, единственным ближайшим другом, учителем и верным спутником Есенина становится Николай Клюев. Начинается период их общей работы, прошедшей под знаком верности народным «истокам». Современники замечали, что влияние Клюева на Есенина в 1915 - 1916 годах было огромно. Не всегда относясь к Клюеву положительно, понимая иногда бунт против его авторитета, инстинктивно стремясь отстоять и утвердить свою самобытность, Есенин благоговел перед Клюевым как поэтом.

Сергей Есенин. 1915 год.

Хитрый Клюев старался нейтрализовать воздействие, которое оказывали на Есенина Зинаида Гиппиус, Философов, Городецкий и другие поэты и литераторы. "Чудесный поэт, – говорил о Клюеве Городецкий, – хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением...Будучи сильней всех нас, он крепче всех овладел Есениным". "Лепил я твою душеньку, как гнездо касатка", – скажет позднее Клюев о своем погибшем собрате. Широко известны и признания самого Есенина о том, какую роль сыграл в его жизни Клюев. "Как был он моим учителем, так и останется, – говорил о нем Есенин своему приятелю Вольфу Эрлиху за несколько дней до смерти. – Люблю я его."

Есенин чувствовал, что вместе с Клюевым они завоюют внимание либерально настроенного литературного Петрограда. Под рождество 1915 года они поехали в Царское Село к гордой Анне Ахматовой и холодному Николаю Гумилеву, привезя им номер "Биржевых новостей" от 25 декабря посвященный "Дню рождения Христа", где наряду с Леонидом Андреевым, Мережковским, Буниным, Бальмонтом появилось и есенинское стихотворение. Очень необычное, но характерное.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
*Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

Что-то необычно грустное было в этих строках. Как бы стихотворный повтор постоянных мыслей Сергея о близкой смерти в период его московской жизни. Это необыкновенно радостное, и в тоже время печальное стихотворение, почти гениальное, созданное противоречивым, психологически раздвоенным мировосприятием поэта.

Есенин читал свои стихи, а Ахматова подарила молодому поэту свою поэму «У самого моря». Гумилев – свой сборник "Чужое небо". А что Есенин? Какие чувства вызвала у него эта встреча. "Вернувшись от Ахматовой, – вспоминает Ясинская, – Есенин был грустным, заминал разговор, когда его спрашивали о поездке, которой он так ждал. Потом у него вырвалось:

— Она совсем не такая, какой представлялась мне по стихам.

Он так и не смог объяснить нам, чем же не понравилась ему Анна Ахматова, принявшая его ласково, гостеприимно. Он не сказал определенно, но как будто жалел, что поехал к ней". Не почувствовал Сергей в холодной Ахматовой душу, которая потянулась бы к нему и приняла его, признала его талант. Такие люди становились Есенину не интересны.

Во второй половине 1915 года и в 1916 году слава Есенина росла, и поэт начал относиться к этому как к должному. "Нельзя было ни убить его иронией, ни захвалить, - писал Чернявский, — ни то, ни другое его не пронзало. Он знал цену, но помалкивал о ней". А Георгий Иванов, один из "жоржиков", может несколько ревниво, но пронизательно отметил: "...Есенин стал известным поэтом. Его окружали поклонницы и друзья. Многие черты, которые Сологуб первый прощупал под его "бархатной шкуркой", проступили наружу. *Он стал дерзок, самоуверен, хвастлив...* Наивность, доверчивость, какая-то детская нежность уживались в Есенине рядом с озорством,

близким к хулиганству, самомнением, недалеким от наглости. В этих противоречиях было какое-то особое очарование".

Ну где еще можно прославиться? Видимо такие вопросы постоянно задавали себе Есенин и Клюев, хитрый и сальный "олонецкий" мужик. Никак не мог отцепить он от себя Сергея, понимая, что только с ним ждет его слава и признание. В начале 1916 года они едут в Москву, где 8 января Клюев и Есенин читают свои произведения перед самой великой княгиней в ее собственном доме. Тогда же, видимо, Есенин и получил в подарок от Елизаветы Федоровны Евангелие из ее личной библиотеки.

Есенин и Клюев в эстрадных костюмах. 1916 год

Для создания Есенину определенного "имиджа" поэта, друзья с самыми лучшими намерениями одевают его в стилизованную под Русь костюмы. Хотя в интеллигентском обществе Петрограда Есенин появлялся одетый по-европейски и никакой русской поддевки не носил. На нем всегда был костюм, по-видимому, купленный в магазине готового платья, хорошо сидевший на его ладной фигуре, под костюмом — мягкая рубашка с отложным воротничком. Носил Сергей так же барашковую шапку и черное пальто. Наряд "опереточных пейзаж", говоря словами М. Горького, Есенин надевал на себя на выступлениях. Как говорят: "Цель - оправдывает средства".

21 января 1916 года Клюев и Есенин выступают в московском Обществе свободной эстетики, уже в других костюмах. Наряженные в стиле а' Rus: черные бархатные кафтаны, цветные рубахи и желтые сапоги, они привлекли всеобщее внимание своим необычным видом. В таком наряде увидел их в московском трамвае Владислав Ходасевич. Полковник Ломан, заказавший эти костюмы и устроивший, видимо, вечер «сказителей» у великой княгини, смотрел далеко вперед. Он уже думал о том, чтобы «сказители» стали своими людьми в Царском Селе. Его планы совпадали с планами и самих поэтов. Есенин постоянно находится в вихре выступлений, литературных встреч, беготни по редакциям. Неизвестно, где и как он живет. К старым знакомым, вроде Льва Клейнборта, он приходил теперь, чтобы пригласить на выступления.

– Шагнули? - сказал как-то Есенину его первый питерский покровитель.

— Я знал, что так будет, — с гордостью ответил Сергей.

"Запах славы опьянял его, — отметил Л. Клейнборт, — и весь вид его уже говорил об этом. Крепкое чувство, хмельное восприятие мира, шедшее от каких-то темных церквушек, сливаясь уже с него с изломом, который сообщали ему теперь среда эстетов, богоискателей, «понедельничьей» богемы, среда, где он играл на «тальянке», пел частушки".

Только год прошел с тех пор, как Есенин, огорченный и смущенный, говорил, что «Ахматова не такая, как ее стихи». Теперь же он свободно приспособивался к любой среде. "С этого времени я, — отмечала Ясинская, — заметила в его манере поведения и обращения с людьми какую-то раздвоенность. Есенин часто брал на себя роль, которую на людях, чуждых ему по духу, по складу мыслей и характеру, добросовестно разыгрывал: попадая же в общество простых людей, он сам становился искренним и естественным". Ясинская сразу заметила эту невротическую черту Есенина, болезненно переживающего любую критику и скрытую насмешку, но в то же время открывающему свою душу навстречу человеческому теплу и вниманию.

Отсюда происходила его легкая внушаемость, особенно со стороны Клюева, который обеспечивал и организовывал все эти выступления. Чувства Сергея, его эмоциональная жизнь были крайне неустойчивы. Столкновение двух личностей, двух "Я" в Есенине удивляли многих проницательных современников. "Разная сущность какая-то сидела в нем тогда, когда он читал стихи, — отмечает Л. Клейнборт, — и тогда, когда пел частушки. В стихах его белели снега, синели дали среди придорожных берез, мерцали свечи прадедовских времен. Что-то волновало сердце неясным раздумьем. В частушках же ничего не было, кроме озорства, часто похабщины. И пел он их забулдыгой, с хмельными интонациями, под свою пресловутую «тальянку». Но переходил он от того к другому без борьбы. В глазах искрилась лишь веселость".

В феврале наконец-то вышла первая книга Есенина, «Радуница». Получив авторские экземпляры, Есенин радостный прибежал к Мурашеву, "уселся в кресло и принялся перелистывать, точно пестуя свое детище". Затем со вздохом произнес:

— Надо приниматься за поэмы.

На радостях Сергей дарил свой первый сборник всем друзьям и знакомым, с наслаждением изобретая витиеватые и загадочные посвящения и дарственные надписи: Я, «баяшник соломенных суемов», Вам на память...

6. В окружении царской семьи. Распутин

Весна 1916 года. После годовой отсрочки Есенин стал готовиться к новому набору в армию. Есенин был в растерянности, ничего не мог решить. Одна надежда - на помощь друзей. Благодаря хлопотам Мурашева, Сергея переводят в трофейную комиссию, составлявшуюся из работников искусств, а в начале апреля Есенин получает удостоверение, которое гласило:

«...С Высочайшего соизволения назначен санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны... Апрель 5—1916. Царское Село».

Двадцатого апреля 1916 года он прибыл в Царское Село, по месту своей льготной службы. Ему покровительствует полковник Ломан, штаб-офицер для особых поручений, любитель древнерусской старины. Поэтому военная служба не была для Сергея тяжким бременем. Есенин служил в Царском Селе ровно год и в течение года отлучался в июне в Петроград, в июне же на две недели в увольнительную в Москву и Константиново после операции аппендицита, в начале июля — опять в Петроград, 17 июля уехал на несколько дней в Вологду с Алексеем Ганиным, с которым познакомился в Царском Селе, в октябре опять побывал в Петрограде. 3 ноября на три недели прибыл в Москву, в декабре — снова отлучился в Питер...Вольная была служба у Сергея.

Будучи в Петрограде он навещает своих друзей, которые почувствовали некоторое изменение в его характере. Причем приходил всегда в штатском, а не военной форме. "Одевался он в это трудное время с иголки, – вспоминает Ясинская, – и преображался в настоящего денди, научился принимать вид томный и рассеянный. *Он был уже вполне уверен в себе, а временами даже самоуверен.* (курсив авт.) Уже окружающие стали замечать, что Есенин открыто выражает свои невротические претензии, которые стали проявляться в его нетерпеливости и нетерпимости к несогласию. На несколько нравоучительные слова Ясинского:

– Пишите просто, к этому вы все равно придете, милочка. Читайте больше Пушкина, читайте и перечитывайте Пушкина по два часа ежедневно. Сергей гордо возразил.

— Что мне Пушкин! Разве я не прочел Пушкина? *Я буду больше Пушкина...*(курсив мой – А.Л.)

Ведь всю весну и лето 1916 года, несмотря на службу, Есенин и Клюев опять

выступают по аристократическим салонам. И в тех же театральных нарядах разъезжали по городам с актрисой Плевицкой, модной исполнительницей народных песен, укрепляя свою репутацию "балетных пейзажистов". При таком успехе Есенин находится в каком-то нервном напряжении. Что-то должно произойти важное, главное в его жизни. Его невротические реакции приобретают резкий оттенок. На вечере у Мурашева 3 июля, во время очередной отлучки из Царского Села, Есенин подошел к письменному столу, взял альбом и быстро, без помарок написал следующее стихотворение:

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора.
Спрятал в руках лезвие.

Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.

Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;
Коли и есть что на свете —
Это одна пустота.

И написал примечание: Влияние «Сомнения» Глинки и рисунка «Нерон, поджигающий Рим». С. Е.»

Все присутствующие были поражены этим стихотворением, а через десять дней это стихотворение прочел Блок. Читал медленно, видимо, не один раз, потом спросил:

– Сергей Александрович, вы серьезно это написали или под впечатлением музыки?

– *Серьезно*, - чуть слышно ответил Есенин.

Что-то сильно перевернулось в душе, и он с редкой откровенностью, прикрываясь лукавой улыбкой, высказал свои потаенные мысли и свое презрение к себе за то, что он делает и собирается сделать. Видимо, Сергей решил переступить

какую-то грань в своем восприятии реальности и своего пути к славе. Тем более, что покровительство полковника Ломана становилось все более откровенным.

"Полковник Ломан, – вспоминает сестра Екатерина, – под начальством которого находился Сергей, позволял ему многое, что не полагалось рядовому солдату. Поездки в деревню, домой, тоже были поблажкой полковника Ломана. Отец и мать с тревогой смотрели на Сергея: «Уж больно высоко взлетел!» Да и Сергей не очень радовался своему положению. Поэтому его приезды домой, несмотря на внешнее благополучие, оставили что-то тревожное".

Истоки такого отношения со стороны Ломана, скорее всего, заключались в том, что Есенин и Клюев стали пешками в тайной интриге придворных против "злого гения" царской семьи – Распутина. Клюев, как более опытный интриган знал об этом, и использовал свое влияние на Ломана, чтобы тот оставил Сергея в Царском Селе. Ради славы и известности они были согласны на все. Путь вверх, который выбрал Сергей, сформировал его характер таким образом, что явно не подчиняясь власти, он интуитивно стремился использовать обстоятельства для своего очередного успеха. Этот характер с несколько грубой и резкой оценкой описал в своих воспоминаниях А. Ветлугин, переводчик у супружеской четы Дункан-Есениных в Америке.

"Уже и тогда он предпочитал армяку — хороший пиджак, лампадному маслу — бриолин. Уже и тогда полыхали в его душе желания "огромных скандалов", жажда досадить, показать...

Но... деревня научила Есенина "надувать скромностью", душить лаской...

И "кроткий отрок Сережа", широко раскрыв выцветшие голубые глаза, певучим голосом рассказывал в Петербурге, в интеллигентских квартирах, и в Москве, в "Свободной эстетике": о "лугах — белых кудрях дня", о "пахучем сене", о его преданности "земле", о "великой деревне". И лгал, лгал безбожно...

Он презирал деревню, он видеть не мог луга и равнины, его претило от запаха сена. Но... он понял то, чего ждали от "деревенского гения".

Он знал мнение о деревне, царившее в ресторане "Вена". И он решил "сделать капитал" на деревенщине. На идеализации того, что он остро ненавидел. В этот момент он встретился с кружком князя Путятинина".

Ломан был одним из окружения князя Путятинина, которого беспокоила сильнейшее влияние Распутина на царскую фамилию. Князь понимал, что Распутина можно устранить, лишь создав Антираспутина. Лишь выдвинув иную "деревенскую

силу", которая будет "импонировать их величествам". Такой новый "Антираспутин" был усмотрен в «отроке Сереже». На концерте, который был дан 22 июля 1916 года в царскосельском лазарете по случаю именин вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великой княжны Марии Николаевны Есенина пригласили читать стихи. Есенин прочитал стихотворение «Русь».

"Двор слушал Сергея, как Шаляпина, – писал Ветлугин, – затаив дыхание, боясь пропустить слово. Закрыв глаза, Есенин читал трагические свои строфы, которые для

Семья императора Николая II

Двора были откровением земли... Раскрыв помутившиеся влажные голубые глаза, в обрамлении соломенных волос, "отрок Сережа" почти что прорицал... Рисовалась возможность новой России, земли темной и гениальной, земли трагичной и предчувствующей... Рязанская губерния и Царское село".

На этом концерте Есенин читал не только «Русь», но и специально написанное по

заказу Дмитрия Николаевича Ломана стихотворное приветствие молодым царевнам. Как бы предчувствуя судьбу царского дома, молодой поэт написал:

Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

Главной заботой полковника было ввести Есенина или, на худой конец, Клюева в Распутинский кружок. "Народолубие" царской семьи, сказавшееся в непомерном возвышении Распутина, побуждало Клюева искать пути близости к высочайшим особам. Клюев рвался сам, Есенина привлекал Ломан, по просьбе князя Путятин. Пришел день, когда Есенин встретился с Распутиным. "Отрок" со "Старцем". По рассказам самого Есенина, выслушав его стихи, старец будто бы сказал:

— У-ух, и хитер же ты Серега, страсть, как хитер... Думаешь, коли нараспев вирши свои читаешь, не понимаю я, к чему гнешь... Так и скажи князю — "прост, мол, Григорий, да не родилась еще та мышь, что коту на хвост звонок повесила...

С этого момента началась дружба между "отроком" и "Старцем". "На публике" Есенин избегал появляться со Распутиным. Но мнение имел о нем необычайное. Встречался с Распутиным и Клюев осенью 1916 года. "Поцеловались попросту, как будто вчера расстались, – вспоминал потом "Миколай". Потому, что был таким же "деревенским" мужиком, как и "старец", хитрым, развратным, талантливым, умеющим убеждать своей народностью с необыкновенной силой и пафосом. "Клюев – это неудачный Распутин", – записал в своем дневнике Михаил Кузмин в сентябре 1915 года. Недаром Сергей никак не может освободиться от его духовного и сексуального влияния «смирненного Миколая». Летом 1916 года он пишет своему наставнику из Царского Села:

"Приезжай, брат, осенью во чтобы то ни стало. Отсутствие твоё для меня заметно очень, и очень скучно.

Главное то, что одиночество круглое.

Как я вспоминаю пережитое...

Вернуть ли?"

Снова поэт говорит о своем одиночестве. Казалось бы, кругом столько людей, и легкая служба, позволяющая ему постоянно отлучаться, и полученное признание при царском дворе. А в письме сплошные жалобы. "Дорогой Коля, жизнь проходит тихо и очень тоскливо. На службе у меня дела не вают. *(Куда уж более – А.Л.)*. В Петроград приедешь, одна шваль торчит". В своем самомнении всех своих друзей и знакомых из интеллигентских кружков Есенин называет "швалью"! Видимо гордость от близости к царской семье, и в то же время неудовлетворенность результатами мучит Сергея. Не получился из него новый пророк. Но и совсем впасть в "монархизм" он не намерен. Во всяком случае, стихи в честь Николая II Есенин отказался написать.

Общение с "домом Романовых" в Царском Селе не прошли незамеченными в петербургских литературных кругах. Георгий Иванов сообщал в своих воспоминаниях: «Кончился петербургский период карьеры Есенина совершенно неожиданно. Поздней осенью 1916 г. вдруг распространился и подтвердился «чудовищный слух»: «наш» Есенин, «душка» Есенин, «прелестный мальчик» Есенин — представлялся Александре Федоровне в Царскосельском дворце, читают ей стихи, просил и получил от

императрицы разрешение посвятить ей целый цикл в своей новой книге!

Теперь даже трудно себе представить степень негодования, охватившего тогдашнюю «передовую общественность», когда обнаружилось, что «гнусный поступок» Есенина не выдумка, не «навет черной сотни», а непреложный факт. Бросились к Есенину за объяснениями. Он сначала отмалчивался. Потом признался. Потом взял признание обратно. Потом куда-то исчез, не то на фронт, не то в рязанскую деревню. (В ноябре Сергей уехал в Константиново – А.Л.).

Возмущение вчерашним любимцем было огромно. Оно принимало порой комические формы. Так, С. И. Чацкина, очень богатая и еще более передовая дама, всерьез называвшая издаваемый ею журнал «Северные записки» «тараном искусства по царизму», на пышном приеме в своей гостеприимной квартире истерически рвала рукописи и письма Есенина, визжа: «Отогрели змею! Новый Распутин! Второй Протопопов!» Тщетно ее более сдержанный супруг Я. Л. Сакер уговаривал расхившуюся меценатку не портить здоровья «из-за какого-то ренегата»...

Не произойди революции, двери большинства издательств России, притом самых богатых и влиятельных, были бы для Есенина навсегда закрыты. Таких "преступлений" как монархические чувства, русскому писателю либеральная общественность не прощала. Есенин не мог этого не понимать и, очевидно, сознательно шел на разрыв. Каковы были планы и надежды, толкнувшие его на такой смелый шаг, неизвестно. Но, конечно, зря Есенин не стал бы так рисковать.

Конечно, не зря. Есенин, по мнению Ясинской, был во власти больших ожиданий политических перемен, которые в корне должны изменить жизнь России.

— Революция будет завтра или через три месяца, – говорил Есенин. – Какие настроения на фронте! Об этом говорят солдаты в лазаретах и госпиталях".

Царскосельское заигрывание Есенина с царственной четой и Распутиным было кратковременным, стратегически важным, но оказавшимся бесполезным мероприятием. Ветер перемен Сергей заметил сразу и его читки стихов перед царевнами и посвящения стихов императрице показались ему какими-то далекими и не нужными. Всеволод Рождественский, встретивший как то Есенина в декабре 1916 года на улице, рассказывает, как Есенин с издёвочкой говорил об императрице и своих отношениях с царствующими особами. "- Я читаю, а они вздыхают: «Ах, это все о народе, о великом нашем мученике-страдальце...» И платочек из сумочки вынимают. Такое меня зло взяло. Думаю — что вы в этом народе понимаете?"

Насколько правдиво переданы слова Есенина верноподданническим советским поэтом, сказать трудно. Но тот факт, что Сергей обладал потрясающей способностью к мимикрии, отрицать нельзя. Да и в царском окружении на Есенина перестали делать ставку. 22 февраля 1917 года Ломан подписал Есенину удостоверение, обязывающее поэта явиться в Могилев для продолжения службы во 2-м батальоне Собственного Ея Императорского Величества сводного пехотного полка...

Февральская революция спасла Есенина от передовой, чего он постоянно боялся. С полной откровенностью поэт признается в поэме "Анна Снегина" о своем поведении в эти сумбурные дни:

Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

Иными словами, как пишет Екатерина Есенина: "Из армии он с началом революции самовольно ретировался". Наступали новые, полные неизвестности времена. Что ждет Сергея в этом бурном, еще не определившемся мире человеческих страстей? Кем он станет? И где будет ждать Есенина дорогая его сердцу - Слава?